

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт русского языка имени В. В. Виноградова

**Труды
Института русского языка
им. В. В. Виноградова**

№ 3

МОСКВА
2021

НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ

Редакция сочла полезной републикацию в выпуске, посвященном орфографии, двух работ классиков отечественной русистики — статьи Г.О. Винокура «К истории нормирования русского письменного языка в конце XVIII века. (Словарь Академии Российской, 1788–1794)» и фрагмента из предисловия к приложению «Имена собственные» в «Грамматическом словаре русского языка» А.А. Зализняка. В статье Г.О. Винокура автор на основании собранного богатого материала показывает, как Словарь Академии Российской, широко отражая противоречия, существовавшие в языковом употреблении своего времени, шел к единой общенациональной языковой норме, поиски которой составляют основное содержание истории русского письменного языка, начиная с 30-х годов XVIII века. В предисловии к приложению «Имена собственные» в «Грамматическом словаре русского языка» А.А. Зализняк пишет, что имена собственные, которые являются важной составной частью лексического фонда языка, в соответствии с давней лексикографической традицией практически не представлены в словарях. Представляется, что принципы отбора имен собственных для словника Грамматического словаря, проблемы вариативности ударения и фонетического состава слова, разнонаправленные тенденции, которые действуют при выборе того или иного произносительного варианта имени, могут быть в полной мере применимы и к словникам орфографических словарей, и к представлению в словарях орфографических вариантов имен собственных.

Г. О. Винокур

К ИСТОРИИ НОРМИРОВАНИЯ РУССКОГО ПИСЬМЕННОГО ЯЗЫКА В КОНЦЕ XVIII ВЕКА (СЛОВАРЬ АКАДЕМИИ РОССИЙСКОЙ, 1788–1794)*

Письменные памятники двояко отражают историю языка, на котором они написаны, — пассивно и активно, или объективно и субъективно, в зависимости от того, дают ли они историку материал только для воссоздания соответствующей языковой системы или же, сверх того, так или иначе свидетельствуют также об оценке употребляемых фактов языка со стороны составителя текста. Этот субъективно-активный, оценочный момент может проявляться в тексте в самой разнообразной форме, и почувствовать его — дело исследовательского такта. Но нередко он и прямо обнаруживается в догматически-нормативной форме, как это видим, в первую очередь, в грамматических руководствах и словарях. Именно этой своей открыто нормативной стороной грамматик и словари и привлекают обычно внимание историков языка. В этих источниках историк языка ищет преимущественно ответа на вопрос о том, как переживались факты языка в известную пору его развития носителями и законодателями языкового употребления. Такого рода исследования обладают большой ценностью, однако лишь при том неперемennom условии, что нормы, утверждаемые законодателями языка, составителями грамматик и словарей, не отождествляются без должной критики с объективным состоянием языкового употребления, как оно устанавливается прямым анализом засвидетельствованных фактов языка. С этой стороны, как мне кажется, значительный научный интерес представило бы такое изучение памятников названного рода, которое избрало бы себе целью сопоставить языковые нормы, устанавливаемые составителем памятника, с его же собственным языковым употреблением, то есть проверить, в какой степени предписания грамматик и словарей гармонируют с их

* Работа впервые опубликована в «Вестнике Московского университета» в 1947 г. (№ 5, с. 27–47), печатается по собранию сочинений: *Винокур Г. О. Избранные работы по русскому языку* / [АН СССР, Отделение лит. и яз.; работа по редактированию выполнена С. Г. Бархударовым]. М. : Гос. учебно-пед. изд-во Мин. просвещ. РСФСР, 1959. С. 162–187, аннотация — по первой публикации. В настоящем издании исправлены выявленные в источнике очевидные опечатки и более последовательно, чем в публикации, подготовленной С. Г. Бархударовым (см. выше), пунктуация приведена к современным нормам. Отметим также, что текст статьи, обнаруженный нами в интернете, содержит множество ошибок (прежде всего в примерах и в выборе шрифтовой разметки). {Примеч. ред.}

собственным языком и обратно. Небольшой опыт такого рода в применении к выдающемуся памятнику русской лексикографии — Словарю Академии Российской и предлагается здесь вниманию читателей.

Словарь Академии Российской тем более заслуживает именно такого изучения, что он явился в эпоху, особенно ярко характеризующуюся поисками языковой нормы и общим стремлением к регламентации языкового употребления. XVIII век в России есть пора выработки книжного языка нового типа, который должен был заменить собой старую книжную речь, имевшую своим основным источником язык церковных книг. Книжный язык естественно тяготеет к единообразию, в особенности в области внешних форм, и в первую очередь — в области правописания. Общеизвестно, что устойчивого правописания у нас в XVIII веке не было. Между тем стремление к такой устойчивости несомненно существовало. Отразилось ли, и в какой степени, это стремление в Словаре Академии Российской, этом монументальном труде, в составлении которого приняли участие, без сомнения, лучшие представители тогдашней русской образованности? Какое вообще место можно отвести этому Словарю в истории создания внешних норм русского книжного языка послепетровского времени? Вот вопросы, для решения которых, может быть, бесполезными будут сообщаемые ниже данные.

Составители Словаря, несомненно, сознавали, что предпринятый ими труд должен иметь практически-нормативное значение. Правда, основное внимание составителей было обращено на собственно лексическую сторону языка, на выбор слов, помещаемых в Словаре, на надлежащее истолкование значений слова, на установление словопроизводных связей между словами и т. д. Но их, несомненно, занимали также вопросы словоизменения и произношения, а тем самым и правописания, что нашло себе отражение как в продолжительных порой спорах в их среде по данному кругу вопросов (см. Сухомлинов, История Российской Академии, VIII, 146–148), так и в самом тексте Словаря. Нужно тут же заметить, что составители Словаря отнеслись к этой стороне своей задачи с большим тактом и сумели избежать претенциозного догматизма, в который, казалось бы, так легко было впасть в предпрятии подобного рода в обстановке общей неустойчивости письменных норм языка того времени. Но с другой стороны, это сообщило всему их труду известные противоречивые свойства, в значительной степени еще и потому, что в среде членов Российской Академии в это время не было профессиональных языковедов (ср. Сухомлинов, 141), составители Словаря отказались от попыток прямого вмешательства в систему внешних норм литературной речи. Они предпочли положить в данном отношении на авторитет Ломоносова, избрав его грамматику и, соответственно, правописание церковных книг отправным моментом своей работы в надежде, что именно их работа и выяснит основания для более обстоятельного решения вопроса в будущем. В предисловии к Словарю (I, XIII) поэтому читаем: «Хотя Россійское правописаніе въ краткихъ содержится правилахъ, однако много въ ономъ зависить отъ употребленія. Часто мѣшаютъ а съ я (так!)¹, з употребляютъ

¹ В этом месте в источнике пропущено: *е съ я*. {Примеч. ред.}

вмѣсто *с* и *с* вмѣсто *з*, и проч.: то Академія почла за нужное слѣдовать въ Словарѣ своемъ правописанію книгъ церковныхъ, пока сей же самый трудъ откроетъ ей довольные способы къ утвержденію единожды навсегда правилъ правописанія». Сходнымъ образомъ говорится и о произношеніи: «Различное произношеніе и удареніе словъ по разности областей Академія тщилася сообразить по выговору въ столицахъ употребляемому, наблюдая удареніе въ книгахъ Славенскихъ принятое, доколѣ не будутъ открыты точныя и на сие правила» (ib.).

Несмотря на содержащееся в приведенных выдержках признание необходимости установить общую правописно-произносительную форму, здесь в то же время отчетливо проступает осторожное отношение к объективному состоянию наличного употребления. «Не правила языкъ раждаютъ, — говорится в другомъ месте предисловія (стр. VI), — но изъ употребленія онаго извлекаются правила». Такимъ образомъ, позиция составителей двойственная и осмотрительная: они хотели бы вывести норму изъ наличного употребления, но не решаются взять на себя ответственность законодательной работы, заменяя ее ссылкой на известную традицію авторитета. Именно в этомъ особый интересъ текста Словаря для историко-лингвистическаго изученія. В немъ нетъ прямо и открыто провозглашаемой нормы. Но в немъ есть возможность угадывать тотъ идеалъ языковаго употребленія, по направленію къ которому движутся составители Словаря сквозь богато отражаемые ими языковыя противоречія своего времени. Изученіе этихъ противоречій и намечающагося изъ нихъ выхода на несколькихъ примѣрахъ и составятъ предметъ дальнѣйшаго изложенія. Для этой цели избираются некоторые явленія правописанія, связанныя, с одной стороны, с фактами фонетики, а с другой — с фактами морфологии. Изученію было подвергнуто несколько сплошныхъ кусковъ текста Словаря (въ отдѣльныхъ случаяхъ до 100 и болѣе столбцовъ подряд) на протяженіи всехъ шести его томовъ. Такъ какъ въ дальнѣйшемъ придается большое значеніе тому, въ какой части текста находится наблюдаемая форма, то при ссылкахъ ставятся пометы: *т.* — для формъ, извлекаемыхъ изъ объяснительнаго текста Словаря, *з.* — изъ заголовковъ словарныхъ статей, *п.* — изъ иллюстративныхъ примѣровъ.

1. В ограниченномъ числѣ случаевъ въ правописаніи Словаря наблюдаются колебанія между буквами *а*, *о* въ безударныхъ слогахъ, болѣею частью — предударныхъ. Некоторые изъ относящихся сюда случаевъ производятъ впечатленіе опечатки, на примѣръ: *дабавляемая* I 70 т. наряду съ *добавка*, *добавляю*, *добавочный* и т. д. ib. *з.* или *фіалетоваго* I 29 т. рядомъ съ *фіолетоваго* I 77 т., *фіолетовый* VI 491 *з.*, хотя не исключена также возможность того, что здѣсь сказалось влияние слова *фіалка*. Можетъ быть, опечаткой слѣдуетъ считать также *раскошныя* III 1135 т., ср. *роскошный* и другіе слова того же гнѣзда V 165 *з.* Но и самыя опечатки этого рода имѣютъ своей почвой, несомненно, акающее произношеніе, которымъ объясняются также и те случаи колебаній въ употребленіи буквъ *а*, *о* въ безударныхъ слогахъ, гдѣ нетъ повода для предположенія опечатки. В частности, акающее произношеніе создавало неуверенность въ этимологіи слова, а кромѣ того, облегчало смѣшеніе русскаго и церковнославянскаго вариантовъ словъ известнаго рода. Такъ, въ некоторыхъ случаяхъ въ Словарѣ уже и заглавное слово словарной статьи приводится

в двойном написании, например: *каблукъ или коблукъ* III 351, *канатъ или конатъ* III 424, *стоканъ или стаканъ* V 740, *таваръ или товаръ* VI 5². Интересно, что при слове *каблукъ или коблукъ* уменьшительное в заглавии статьи приводится только в написании *каблукъ*, но в примере тут же читаем: *Сапоги, башмаки на каблукъ-кахъ, на коблукъкахъ*. Далее производные от этого слова в заглавиях статей приводятся в написаниях через *а*: *каблукъ*, *каблукный*, *закаблукъ*, но: *каблукки* (*по обстоятельствамъ надѣваю или снимаю съ птицъ каблукки, дабы сдѣлать ручными*)³, и в этой последней статье слово *каблукъ* трижды употреблено только в написании с буквой *о*. В этом случае, следовательно, трудно усмотреть какую-нибудь руководящую линию орфографической практики составителей Словаря. Но все же интересно, что при двойственном написании заглавного слова *стоканъ или стаканъ* уменьшительное *стаканчикъ* и пример: *стаканъ хрустальной, золотой, серебряной* выдержаны в написании только с *а*. При таком же двойственном написании слова *таваръ или товаръ* (ср. в примерах: *мѣлочной товаръ*, но: *яловочной таваръ, разкласть тавары на прилавокъ*) производные приведены только в написаниях с *а*: *таварный, таварищъ, таварищевъ, таварищескій, таварищество, таварищески, сотаварищъ* и т. д. В написании же основного слова продолжают колебания и за пределами самой статьи, посвященной этому слову: ср. *таваровъ* I 487 т. при *товаръ* ib. т. п. Ср. *тарелка или торелка* V 28, но в производных и примерах только написания с *а*. При написаниях *ладонъ, ладонный* в заглавиях словарных статей III 1127 вне текста самых статей, посвященных этим словам, наряду с *ладонъ, ладону* III 357 т. можем найти и *ладаномъ* III 356, 357 т.

² В источнике шрифтовое оформление цитат из Словаря упрощено: элементы словарной статьи (заголовочное слово, варианты написания, стилистические и грамматические пометы и др.) даются последовательно строчными буквами и непоследовательно курсивом. Ср. оформление в статье с подачей в Словаре:

КАБЛУКЪ, или К о в а у к ъ, к а, и умал.
Каблукъ, чка. с. м. Подпяшокъ де-

В настоящей публикации шрифты в цитатах даются в более упорядоченном виде, чем в источнике, что позволяет избежать смешения авторского текста и текста цитат из Словаря и не нарушает смысл. Купюры в цитатах из Словаря (чаще всего это финали, стоящие после заголовочного слова и грамматические пометы) вслед за автором мы никак не отмечаем, так как они не имеют значения для содержания статьи. {Примеч. ред.}

³ В Словаре слово *каблукъ* помещено в статью «Каблукъ» со значением «въ птицеловной охотѣ означает колпачекъ, которой надѣваютъ птицамъ на голову для учинения ихъ ручными». Словари 19 в. отражают не только собственно орфографические, но и произносительные колебания формы данного слова, ср.: «**клобучекъ**... 1) колпачекъ, надѣваемый на голову ловчихъ птицъ. Тоже (так в словаре. — Ред.), что каблукъ» [Словарь церковнославянского и русского языка, составленный Вторым отделением Императорской академии наук: в 4 тт. Т. II. СПб. : в тип. Академии наук, 1847. Ст. 6.]; «**Каблукъ** [чка#, м.] умал. [слова *каблукъ*]. *Высокъ каблукъ, да надломился на бочокъ*. || Суконный или кожаный колпачокъ (клобучокъ), надѣваемый на голову ловчихъ птицъ» [Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка / под ред. проф. И. А. Бодуэна де Куртенэ. URL: <http://slovari.ru/search.aspx?s=0&p=3068>]. {Примеч. ред.}

Особенно отчетливо сказалась разная орфографическая установка составителей Словаря в зависимости от того, находится ли данное слово в составе статьи, именно ему посвященной, или же в тексте Словаря вообще, в правописании слов, производных от *норовить*. На протяжении текста Словаря эти слова обычно пишутся с *а*, например: *снаравливаю* II 5 т., *снаровка* II 6 т.; *принаровка* ib., *принаравливаю* III 1130 т., *принаравливаюсь* III 1131 т., *принаровленный* III 1132 т., *принаравливаться* IV 558 т. Однако в своем собственном словарном гнезде, вслед за словом *норовь* IV 561, все эти слова как в заглавиях, так и в примерах последовательно пишутся только с *о*: *норовлю* з., *онъ ему все норовитъ* п., *изноравливаю* з., *изноровивши время* п., *изноровка*, *поноровить*, *поноровка*, *поноровщик*, *поноравливаю*, *приноравливаюсь*, *снаравливаю*, *снаровка*, *уноровка*. В этом случае объективно имеем дело с закреплением известного орфографического варианта, который с течением времени оказался вошедшим в общенациональную норму. То же отношение наблюдаем между *салдатскіе мундиры* I 30 т., s. v. *аммуниція*, и *солдатъ*, *солдатовъ*, *солдатскій*, *солдатчина* V 639 з. п. Несколько иного характера колебание между *аладьа* I 19 и *оладья* VI 627. В обоих написаниях это слово помещено в соответствующих алфавитных местах, но толкование дано при первом из них, а при втором находим лишь ссылку на первое, из чего с некоторым правом можно заключить, что более свойственным норме Словарь считает написание этого слова с *а*.

В других случаях, как уже сказано, колебания написаний с *а*, *о* имеют своим дополнительным источником двоякую языковую традицию — народную русскую, с одной стороны, и церковнославянскую — с другой. Однако большого значения этой стороне дела в объяснении описываемых орфографических колебаний придавать не следует. Например, при заглавном слове *ла́коть* III 1135 находим помету: *Сл. [авенское], просто же локоть*. Уменьшительное, как и ожидаем, дано в написании *локотокъ*. Соответствуют ожиданиям и производные в написаниях: *налакотникъ*, *облокачиваюсь*. В примерах же s. v. *ла́коть* — *ло́коть* находим: *опереться на локоть*; *стѣна, столпъ имѣет столько то лактей въ вышину*. То обстоятельство, что написание с *а* встречаем как раз в безударном положении, а под ударением находим здесь написание с *о*, не позволяет прямолинейно заключать, что эта разница написаний была разницей русского и церковнославянского вариантов слова для самих писавших. И это тем более, что данное соотношение повторяется и в других местах Словаря, например: *стволь длиною въ локоть* I 80 т., s. v. *бадан*, но *рыболовная снасть... шириною... до двухъ лактей* I 63, s. v. *ахань*. Последние два примера, помимо прочего, показывают, что эта разница написаний не сводится и к разнице двух значений слова *локоть* — *лакоть* (анатомического и как меры длины). Уже совсем нет оснований применять критерий различия между русским и церковнославянским вариантами слова по отношению к таким параллелям, как *расту или росту* V 73, *равно и ровно* V 13 (ср. и в выражении *Все равно, ровно* з. при: *для меня все ровно* п.), *равность и ровность*, *равнина*⁴ и *ровнина* V 14, *разница и розница* V 63 и т. д., в каковых случаях даже в заглавиях статей составители

⁴ В подлиннике опечатка: *равнивна*.

Словаря не показывают, что одно из приводимых параллельных написаний принадлежит славенскому языку, а другое — простому. В самом тексте Словаря оба типа написаний употребляются безразлично, например: *растущих*, но *ростеть* I 80–81 т.; *растуть*, но *ростеть* V 74 п.; *врастаю*, но *вырастаю*, *дораस्ताю*, *зараस्ताю*, *израстаю*, *нарастаю*, *обрастаю*, *переростаю*, *проростаю*, *разрастаюсь*, *срастаюсь* V 77–82 з. При слове *разница* или *роznица* V 63 даны примеры: *Между вещами сими разница состоитъ въ томъ. Между братьями есть великая розница*⁵. Однако при втором значении слова (иногда означает вообще различные, неодинаковые вещи), а также в выражениях *въ розницу продавать* и *порознь* в примерах находим только написания с *о*. Таким образом, только последняя частность отражает известную стадию в дифференциации вариантов *разница* — *роznица* по лексическому значению. Но такие случаи в данной категории, как известно, вообще редки. Ср. еще: *развязка. То же что розвязываніе* I 1125, но тут же *развязываніе* в заголовке.

Отмечу также, что в известном числе случаев в тексте Словаря колеблются написания с безударными *а*, *о* в основах несовершенного вида глаголов, образованных посредством суффикса *-а-*, например: *возраждающаяся* II 388 т., III 46 т., но *возрождающаяся* III 48 т.; *выраждаюсь* V 41 з., но *зарождаюсь* V 42 з.; ср. *зага-рающееся* III 50 т., но *поглощаетъ* I 921 т. Попытки осмыслить эти колебания при помощи тех или иных семантических или стилистических соображений, по-видимому, не могут быть удачны. Так, например, при *поклоняюсь* III 626 з. приведены примеры из священного писания, в которых находим естественные для этих случаев написания с *а*: *покланяйтеся подножію ногу его; не имуть покоя день и ночь покланяющіися звѣрю*. Но это не высокий стиль в языке XVIII века, а точная орфография цитируемых источников — «Псалтыри» и «Апокалипсиса», потому что рядом с приведенными примерами находим и такие: *Язычники покланялись ложнымъ богамъ; покланяемого твоего истиннаго и едиnorodнаго Сына (Послѣд. молебн. пѣнія)*, а, с другой стороны, в самом тексте толкований читаем: *...въ отношеній къ язычникамъ покланявшимся богамъ ложнымъ*.

Для полноты обзора отмечу еще, что в некоторых случаях написания, не совпадающие с теми, которые утвердились в качестве общепринятых в более позднее время сравнительно с эпохой составления Словаря, проведены в его тексте очень последовательно, как например: *алифа* с производными, *арава*, *калбаса*, *мамантъ* и производные, *тварогъ*. Сюда относится и фамилия президента Российской Академии, многократно упоминаемая на вводных страницах к отдельным томам Словаря и печатающаяся только в виде *Дашкова*⁶. Обратным примером может служить хотя бы *постила* V 727 з.; IV 20 п. и др.

⁵ Ср. у Карамзина: «По берегу Гафа считается до Кенигсберга 18 миль, а черезъ Тильзитъ 30: большая розница!» Соч., II, 24, 1820.

⁶ Фамилия могла записываться и через *а*: *Дашкавъ*, *Дашкава*. См., например, подпись на портрете князя Павла Михайловича Дашкова — сына Екатерины Романовны Дашковой, президента Российской Академии [URL: http://www.russianprints.ru/printmakers/o/osipov_alexey/portrait_pavel_dashkow.shtml] или в книге: Переписка российской императрицы Екатерины II и господина

2. Довольно строго в Словаре употребление буквы *ѣ*, что на фоне большой пестроты в данном отношении в правописании книг конца XVIII века⁷ производит впечатление сознательных усилий к упорядоченному, грамотному письму. Однако об абсолютно упорядоченном письме и здесь говорить нельзя, так как в некоторых, правда не очень многочисленных, случаях наблюдаем в Словаре колебания между употреблением букв *ѣ*, *е*. Все эти случаи, естественно, относятся не к окончаниям, а к употреблению этих букв в составе непроизводных основ. Так, например, при *надмеваю*, *надменный*, *надменность* II 687–8 зз. вне текста статей, посвященных данным словам, встречаем и *надмѣнность* I 948 т., *надмѣнный* I 950 т.; при *мекаю*, *домекаюсь*, *намекаю*, *намеки*, *смекаю* IV 83–84 зз. вне текста данных статей находим и *домѣкаюся* II 6 т., *въ домѣкъ* II 8 т.; при *зеле* III 51 з. встречаем *зѣлій* (в том же значении) II 409 т.; при *звеню* III 27 з. — *въ ушах зазвѣнѣло* II 20 п.; при *хлебаю*, *похлебка* VI 548–550 зз. и даже *похлѣбки* II 20 т. — *въ похлѣбках* III 618 т.; при *одежда* II 861 з. — *одѣжде* III 981 т., *одѣжда* в словоуказателе II тома, несмотря на заглавное *одежда*; при *пѣгій* IV 1253 з. — *вороно-пегая* III 947 т., ср. в близком расстоянии *пѣгіе* III 964 т.; при *болень* I 279 з. — *болѣнь* III 1162 т.; при *трецу*, *разтрескаться* VI 259–262 зз. — *растрѣкалась* III 1136 п., ср. *иб. истрѣкался* п. Ср. еще *растѣніе* V 74 з., но *растѣніе* III 1175 т., *произрастѣніе* IV 17 т., *растѣній* V 441 т.; *звено* II 25 з., но *звѣньями* I 111 т.; *лента* III 1174 з., но *лѣнтами* I 130 т.; *лѣзу* III 1347, но *полезъ* I 62 п. Во всех подобных случаях замечательно распределение колеблющихся написаний таким образом, что написания, не вошедшие в сложившуюся впоследствии общенациональную норму орфографии, встречаются, наряду с будущими нормативными, только вне текста статей, содержащих толкование соответствующих слов, а в заглавных словах, причем обычно и в примерах к ним, встречаем только написание с позднейшей точки зрения нормативное. Разумеется, как и в других случаях с колеблющимися написаниями, это объясняется ослаблением внимания составителей Словаря к орфографической стороне языка при обработке текста, не относящегося к данному слову в специфически словарном отношении. В силу этого при составлении текстов последнего рода находим проявления произвольного письма авторов Словаря, отражающие обычную орфографическую практику конца XVIII века вне ее установки на нормативность. Вместе с тем общее движение Словаря к этой нормативности ярко запечатлелось в обработке статей, прямо относящихся к соответствующим словам.

Интересно, что подобное приближение к будущей норме сказалось и в таком случае, в котором орфографическая практика этого времени, и даже значительно более позднего, вплоть до середины XIX века, решительно расходилась с известной нам нормой, причем и с исторической точки зрения это неподчинение норме имело за себя все основания. Речь идет о слове *мелкій*, которое именно в этой

Вольтера, продолжавшаяся с 1763 по 1778 год / Перевел с французского Иван Фабиян. Москва: В вольной типографии Гария и Компании, 1803. С. 169. {Примеч. ред.}

⁷ В качестве одного только примера сошлюсь на «Почту духов» Крылова (1789), вышедшую в один год с первым томом Словаря и изобилующую написаниями вроде *брѣдни* 248, *привѣръникъ* 260, *привѣръникъ* 270, *увѣрткою* 61, даже *кстате* 119 и т. п. (примеры взяты из 2-й части).

орфограмме с *е*, а не с *ѣ*, в противоречии с историей языка утвердившееся в нашем правописании позднее, помещено в Словаре во главе соответствующего словопроизводного гнезда IV 84. Так, с *е* напечатаны в своих нормативных положениях и прочие слова этого гнезда, как, например *мелковатый*, *мелочный*, *мелочь* и пр., причем в этой орфографии выдержаны здесь и все примеры к этим словам. Между тем в остальном тексте Словаря слова этого гнезда чуть ли не чаще напечатаны с *ѣ*, например *мѣлкой* IV 999, *мѣлкя* II 589; III 338, *мѣлче* I 129; III 46, *измѣлчить* III 975, *измѣлчиваюсь* III 976 и др., хотя и здесь порой встречаем написания с *е*, как *мелкими* III 338, *мелкаго* III 291 и пр.

Отдельно оговорю колебание между *е*, *ѣ* в слове *летать* и производных, где *ѣ* может иметь этимологическое основание. В нормативном положении это слово помещается в Словаре с *е* III 1183, то есть снова по норме будущего, но вообще в тексте Словаря есть примеры обратного характера, ср. *прилѣтаетъ* III 1143 т., *лѣтають* III 1187 т. и даже *прилѣтная птица* III 1150 т.

На том, что описанная орфография предполагает неразличение *ѣ*, *е* в произношении, останавливаться, по-видимому, нет надобности.

3. Очень большой интерес представляют данные, которые можно извлечь из Словаря относительно употребления в его орфографии букв для означения⁸ гласного *о* после мягких и непарных по мягкости и твердости согласных в подударном, отчасти и в безударном положении. Таких букв в Словаре три: *е*, *о*, *іо*. Из них вторая употребляется только после непарных, но очень часто в тех же морфологических положениях и даже тех же словах, в которых употребляется также буква *е*, но никогда не *іо*. В составе непроизводных основ такие колебания не часты, но все же они есть и здесь, причем, как и раньше, наблюдаем показательную дифференциацию написаний в нормативном и свободном положении одного и того же слова. Так, например, при *счеѣ*, *счеѣтнѣй*, *счеѣты* VI 817 зз. обычно в тексте Словаря находим *щот* I 23–42, *въ щотѣ* I 451, но есть и *щетѣ* III 345, *щета* р. ед. III 114.

Интересно, что здесь дифференциация написаний с *е* — *о* сочетается с дифференциацией написаний с *сч* — *щ*. Впрочем, в соответствующем месте алфавита находим и ссылку: *читаю*, *щоты*, *щетнѣй*. *Зри при глаголѣ чту* VI 966, причем уже в самом тексте этой ссылки видим противоречие между написаниями *щоты* и *щетнѣй*. В других случаях уже и в заглавном положении приводятся оба написания, например *щолокъ* или *щелокъ* VI 969, но в примерах (*сварить щолокъ*, *крѣпкой щолокъ*, *стирать бѣлье въ щолокъ*) и в производных (*щѣлочнѣй*, *щѣлочность* и даже *щѣлочнѣя соль*, с сохранением *о* в безударном положении, ср. еще *щѣлочѣ* или *щѣлочѣ*) господствуют написания с *о*. Ср. и в других местах Словаря, например *щолокъ* II 404, но *въ щѣлоку* IV 50 (очевидно, с ударением на окончании). Ср. еще *щѣка* или *щѣка*, *умал. щѣчка* и *щѣчка* VI 948 з. Интересна орфография в примерах к этому слову: *Ударить въ щѣку* (вероятно, ударение на основе); *по щѣкѣ*; *правая, лѣвая щѣка*; *румяныя щѣки*. Вообще же в Словаре в именительном падеже мн. числа находим и *щѣки*, например III 260; IV 568, и *щѣки* III 1190. Слово

⁸ Так в источнике. {Примеч. ред.}

щока (мѣсто, гдѣ надѣ рѣками съ обѣихъ сторонъ крутыя каменя, горы) помещено в написании с *о* VI 969. Ср. далее *жѣлоб*, *жѣлобѣ* и умал. *желобѣкъ* и *желобѣчекъ* II 1092 з., что не мешало составителям Словаря вообще писать *жолобовъ* I 141, *жолобкомъ* I 41; IV 764 с сохранением *о* и в безударном положении. Ср. далее *жѣлтый* или *жѣлтой* III 1094 з., причем в ненормативных положениях на этот раз преобладает *желтый* в разных формах, как например I 63; I 80; I 89; IV 49, при редком *жолтымъ* I 62 и др. Наоборот, при обычном в тексте *жолудъ*, например IV 49, в заглавном положении дано только *желудъ* II 1098⁹. Нередки также колебания в написании форм прошедшего времени от *иду*. Ср., с одной стороны, *нашел* I 137, *дошелъ* I 481, *пришелъ* II 7; III 1145, *пошелъ* II 11, а с другой стороны, *пошоль* I 925, *ушоль* I 926, *прошоль* I 932; *дошоль* II 395. Но в нормативных положениях находим только написания с *е*, например: *шелкъ* III 206 п., *дошелъ* III 236–237 з. п., *зашелъ* III 238 з. п., *нашелъ* III 242 з. п., *пошелъ* III 253–4 з. п. и т. д.

Общее впечатление от приведенного материала такое, что как нормативное составителям в подобных случаях представлялось написание с *е*. Не решаю здесь вопроса о произношении всех слов этого рода, то есть вопроса о том, свидетельствует ли параллелизм подобных написаний о возможном параллелизме и в произношении данных форм в зависимости от характера речи. В отдельных случаях на возможность такого параллелизма указывают и сами составители Словаря. Ср., например, *жѣрновъ*, *въ просторѣчїи говорятъ* и *жѣрновъ* III 1111 з. Замечательно, однако, что как раз в этом случае во всех примерах на данное слово в орфографии последовательно выдержано написание с *е*, причем такое написание встречаем и за пределами текста данной статьи, например *мельничный вал*, *жерновъ* IV 89 п. Отсюда как будто имеем право заключить, что двоякое произношение было возможно и в некоторых таких словах, в которых Словарь придерживается только написаний с *е*. С другой стороны, так как в массе случаев подобных указаний на принадлежность произношения с *о* к просторечию в Словаре не дается, возникает возможность предположить, что самое произношение этого рода в известных случаях могло рассматриваться и как общеупотребительное. Составители Словаря считали просторечным произношение *жорновъ*, но это еще не значит, что таким же было для них и произношение *щоки*. Есть основания думать, что для эпохи Словаря произношение *щеки* было лишь возможным вариантом общеупотребительного *щоки*, причем, может быть, даже не произносительным, а чисто орфографическим. Интересна, например, противоречивая терминология составителей Словаря, согласно которой существует выговор, употребляемый в письме (см. Сухомлинов, 87). Надо думать, что по крайней мере в части случаев это действительно было только письменное обыкновение, а не произносительное.

Относительно написаний с *е*, *о* в суффиксах надо заметить следующее. Написание с *о* особенно часто встречается в суффиксе *-ок* и его варианте *-шок*, однако с ним и в этом случае конкурирует написание с *е*. В некоторых случаях оба

⁹ Кстати, здесь *желудъ* употреблено как слово женского рода: *величиною с дубовую желудъ*, тогда как в заглавном положении оно показано как слово мужского рода.

написания приводятся уже в заглавном положении, например *бережекъ* и *бережокъ* I 126, но это единственный пример такого рода, замеченный мною. Несомненно, найдутся еще такие случаи, но можно быть уверенным, что их очень мало. Можно еще процитировать *каблукъ* как умалительное при *каблукъ*, но *каблукъ* как заглавие особого слова-омонима III 351. Зато мною отмечено очень много случаев, в которых в заглавном положении слова на *-ок*, *-ек* приводятся то в одном, то в другом из этих написаний, без видимых оснований для такого различия. Ср., например, *гребешокъ* III 326, *клочокъ* III 619, *клычокъ* III 638, *кружокъ* III 1005, *мужичокъ* IV 324, *пучокъ* IV 1177, сюда же причислим и слова с омертвившим суффиксом, как например *вершокъ* I 629, *горшокъ* II 259, *мѣшокъ* IV 429, *порошокъ* IV 999, а с другой стороны, *башимачекъ* I 112, *барышекъ* I 106, *кабачекъ* III 346, *колпачекъ* III 732, *корешекъ* III 814, *крючекъ* III 1044, *рожекъ* V 149. При этом, как и можно было ожидать, находим противоречия между написаниями этих слов в заглавном и в свободном положении. Именно слова, приведенные в заглавиях в написании с *е*, нередко встречаются в самом тексте Словаря и в написании с *о*: *корешокъ* II 388 з., *рожекъ* III 353 т.; V 153 п., *крючокъ* III 1044 п. в разных значениях (например, *повѣсить на крючокъ*, *приказной крючокъ*). Отмечен мною и один обратный случай, именно *порошекъ* III 1133 т., но *порошокъ* IV 338 т.; VI 2 т. При сплошном изучении всего текста Словаря, вероятно, найдутся и еще такие случаи.

Так как все приведенные слова стилистически ничем не рзняются, то отмеченная пестрота их написаний еще более способна укрепить в высказанном предположении, что по крайней мере в части случаев никаких произносительных вариантов за этой пестротой написаний не скрывается. Все эти слова, надо думать, произносились в общем употреблении с *о*, и написания их с *е* представляли собой всего только орфографические варианты нового книжного языка. Добавляю, что ни в одном случае я не нашел написаний с *о* в уменьшительных образованиях второй степени на *-ечекъ*. Здесь постоянно в Словаре встречаем только написания вроде *бережечекъ* I 126, *мѣшечекъ* III 349, *мѣшечкъ* IV 313, *клочечекъ* III 619, *кружечекъ* IV 338, *горшечекъ* II 259 и т. д. Вряд ли можно сомневаться, что в таких образованиях ударяемый гласный звучал именно как *е* и заменился через *о* уже в дальнейшем развитии литературной речи под влиянием соответствующих образований на *-ок* и *-шок*.

Что касается положения в окончаниях, то здесь можно отметить колебания написаний в следующих случаях. Во-первых, в окончании именительного падежа ед. числа слов среднего рода с основой на *ц*, например: *лице* I 134 п.; III 360 т. 1195 з. п., но *крыльцо* I 89 т.; III 1029 з. п., *кольцо* I 466 т.; III 717 з. п., *яйцо* I 469 т.; VI 1042 з. п., и даже в безударном положении *бердцо* I 122 з. Интересно, что среди примеров на употребление одного и того же слова здесь нет орфографических разноречий. Следовательно, все дело сводится к тому, что среди всех слов этого рода только *лице* пишется с *е* в окончании. Это нетрудно поставить в связь с обособленным стилистическим положением этого слова. Впрочем, в форме творительного падежа рядом с *лицемъ* III 626 т. мною отмечено и *лицомъ* III 1196 п. в значении *фасада дома*. В прочих случаях *о* в окончании творительного единственного от слов

с основой на *ц* есть правило, из которого исключения редки — у меня отмечено только *скопцемъ* III 359 при *копьемъ* I 75, 123, *съ дохлемъ* I 469, *рѣзцомъ* I 474. Однако в словах с основой на другие согласные, непарные по мягкости-твёрдости, постоянно в этом окончании находим букву *е*, например: *платежемъ* I 95, *барышемъ* I 111, *падежемъ* I 121, 137, *плащемъ* II 395, *ножемъ* III 974, *сивучемъ* III 115, все это независимо от нормативного или свободного положения. В основах на *ц* буква *о* преобладает и в других падежных окончаниях, например: *огурцовъ* I 80, *квасцовъ* I 84, *зубцовъ* II 387 и в безударном положении *колѣнцовъ* I 900, *пальцовъ* I 133, *месяцовъ* IV 32, *младенцовъ* IV 758; ср. также *бездѣлицой* III 1132. Противопоказаний на пространстве изученных отрывков текста Словаря я не нашел. Отмечу также постоянное написание с *о* в *большой* в значении разных падежей (I 112, 483, 945 и мн. др.). Одна подробность здесь несколько затрудняет истолкование: именно при наличии написания *по большей части* II 13, 18 и др. нередко находим *по большой части* I 82, 88, 136, 467 и др., что встречается и в других книгах XVIII века¹⁰. Возможно, что в эпоху Словаря был в ходу и такой вариант этого выражения, в котором вместо *большой* говорилось *большойй*. Рядом со словом *большой* надо упомянуть еще *чужой* I 467; III 1145 также в разных падежных формах, в том числе в именительном мужского рода. Правда, в заглавном положении здесь находим *чужій* VI 831, но окончание *-ей* в данном положении в Словаре, как кажется, вообще невозможно. Упомяну еще о единично отмеченном *лжотъ* III 1149 п. при обычном *лжешь*, например III 1146 з., *течетъ* I 921 т. и др.

Остается отметить случаи употребления буквы *іо*. Она встречается преимущественно в непроеизводных основах, но также и в составе некоторых суффиксов и в окончаниях. В последних двух случаях, как ясно само собой, употребление буквы *іо*, вообще употребляющейся только после мягких согласных, имеющих твердую пару, есть очень редкое отступление от общего правила, по которому здесь употребляется буква *е*. В известной части случаев наблюдаем колебание между употреблением *іо* и *е* в этих положениях в одних и тех же словах, например: *вру, врешь* I 930, но в примерах тут же *онъ всіо тебѣ вріотъ; ты всему вѣришь, что онъ тебѣ ни вріотъ; знаешь ли ты, что онъ про тебя вріотъ*; ср. еще: *навріотъ* I 931 п., *перевріотъ* I 932 п., *одинъ вріот, а другой повираетъ* іб. п., *онъ какъ разовріотся, такъ ни чѣм не уймешь* іб. п.; *бывало придетъ, да что нибудь совріотъ* I 933 п. Из числа многих других отмеченных мною колебаний этого рода приведу: *я его звать съ собою, но онъ нейдетъ* III 206 п., *но въ ротъ нейдіотъ* V 168 з. s. v. *ротъ; дѣлежъ* при *дѣліожъ* II 869 з. и тут же *дѣліожъ* 870 п., *дѣліожный* (только так!) 870 з. Ср. далее *валежъ, въ просторѣчїи валіокъ* I 485 з., *одежда, въ просторѣчїи и одіожа* II 861 з., ср. тут же *по одіожкѣ протягай и ножки* 862, а в других случаях без вариантов: *пареніокъ* IV 715 з., *перстеніокъ* IV 775 з., но, например, *пенекъ* IV 760.

Иллюстрациями для подобных колебаний не в аффиксах могут служить *побасенка* или *прибасіонка* I 115 з., но тут же в примере и *прибасенка*. S. v. *близна* I 225

¹⁰ Ср., например, *по большей части* в соч. Муравьева, III, 164, СПб, 1820.

читаем в примере: *въ семь холстѣ много близень*, но в I 122 приводится пословица: *смотри по берду не будет ли близіонѣ*. При обычных написаниях *медѣ*, *меду* III 955, *медомѣ* IV 19 встречаем и *міодѣ* III 347 т., *міоду* III 356 п., причем уже и в заглавном положении находим оба варианта: *медѣ* или *міодѣ* IV 78, но в примерах здесь только *медѣ*. Рядом с *ледѣ* III 1159 находим *подліодный* III 1161 з. п., при *легкое*, *-аго* III 1155 з. находим *ліогкія* III 355 т., при слове *легкій* и производных с тем же написанием *е* III 1154 з. в особом выражении, отмеченном как просторечное, находим *на ліогку руку* III 1156 з. п. Целую гамму совершенно немотивированных колебаний находим в гнезде *лечу* III 1182 и сл., в заглавных положениях производных слов: *заліотѣ*, *заліотный*, *изліотѣ*, *на изліотѣ*, *съ наліоту*, но *налетный*, *отліотѣ*, *отліотный*, но *перелетѣ*, *перелетный*, *полетѣ*, *на полетѣ*, *пролетѣ*, *на пролетѣ*. Выше упоминалось уже о написаниях *похліобка*, *похлебка*, *похлѣбка*. Любопытно, что при *припіока* IV 754 з. п., в свободном положении, рядом с *на припіокахъ* IV 45 нашлось и *на припекахъ* IV 49. В заглавном положении находим только *небо* IV 476 для обоих членов омонимной пары, но в свободном положении встретилось и *ніобо* *palatum* III 1173 т. Употребление буквы *іо* отмечено мною еще в случаях *беріожая* (о сужеребой кобылицѣ) I 124 з., *кліокѣ* III 617 з., *кліоцки* II 20 т. и III 618 з., *смышліонный* IV 372 з.; II 7 п., *масліонки* (оливки) IV 51 з., *меріожа*, *меріоужка*, *меріоужный* IV 305 з., приводимые как просторечные варианты к славянским *мрежа* и т. п., в выражении *пень*, *пніомѣ* IV 760 и, наконец, в иноязычных заимствованиях, как например *галіотѣ*, *гальіотчикѣ* (так!) II 18. В этом случае встречаем букву *іо* и после гласных, как например *маіор* IV 16; но эта буква после гласных, а также в начале слова иногда встречается и в русских словах, ср. *емкій*, *просто же іомкій* (не: *іомкой*!) II 956 з., в примерах оба варианта; *заемѣ* или *займѣ*, *просто же заіомѣ* II 964 (п. только *заемѣ*), *наемѣ*, *наемный*, *просто же наіомный* II 968–9 з., *отъемѣ*, *просто же отъіомѣ* II 974, *приемщикѣ* или *просто приіомщикѣ* 988, *ершѣ*, *просто же іоршѣ* II 1016 з., *ежѣ*, *просто же іоужѣ* II 947 з., но только *іоужѣ* II 948 з., и т. д.

Оценивая весь этот материал, легко устанавливаем, что, за исключением слов иноязычного происхождения, буква *іо* употребляется в Словаре почти в одних только словах, которые должны были принадлежать к так называемому простому слогу. Исключения очень редки, ср., например, слово *медѣ* — *міодѣ*, несомненно общее в стилистическом отношении, и *ніобо*, которое вряд ли также можно считать не общим (независимо от того, как оно фактически произносилось). В последнем из этих двух случаев буква *іо* явно продиктована стремлением к внешней дифференциации обоих членов омонимной пары, а в первом (и других подобных), вероятно, отразилось то, что живое произношение этого слова было по меньшей мере равноправным с произношением книжным.

Добавлю еще, что в ходе работы над Словарем составители, по-видимому, отказались от предполагавшейся ранее более последовательной регистрации орфографических вариантов, связанных с данным фонетическим положением. Так, например, первоначально предполагалось отмечать данный вариант в формах прошедшего времени, как *брелѣ* — *бріолѣ*, с мотивировкой, согласно которой первое

«пишется», а второе «говорится» (Сухомлинов, 87). Но в самом Словаре это намерение не осуществлено, что, несомненно, должно было укрепить в будущем обыкновение передавать гласный *о* после мягких парных на письме буквой *е*.

4. Переход звонких в глухие перед глухими и глухих в звонкие перед звонкими отражен в орфографии Словаря слабо. Написания, отражающие этот процесс, находим в ограниченном числе слов на границах между морфемами, причем большей частью в невыдержанном употреблении. Строгое постоянство в такого рода написаниях я подметил только в префиксальных образованиях на *с-* от *бор* — *бир*, причем без противоречий между заглавным и свободным положениями соответствующих слов, например: *зборь* I 142 з. п., I 96 п., *збора* I 108 т., *зборы* I 134 т., *зборицькь* I 142 з. п., I 108 т., *збираю* I 140 з., *збиралище* I 141 з., *зборище* ib., *збирають* I 475 т., *збираемая* I 479 т. и т. д. Такая же орфография встречается порой также и в написании других образований с той же приставкой, преимущественно в заглавных положениях, ср. *збавляю*, *збавиль*, *збавка* I 71 зз., *зберегаю*, *збереженіє*, *зберегатель* I 124–5 зз., *збродь* I 331 з., *збѣгаю* I 418–9 з. Одинаково пишется также, как в заглавиях, так и вне заглавий: *прозба* III 1103 з. п., *прозбу* III 369 т. п., *прозбы* III 622 т., *прозьбы* I 110 п., *прозьбахъ* III 370 т. В других случаях наблюдаем разноречие, состоящее в том, что по большей части в заглавных положениях помещено написание этимологическое, а в свободных встречается как этимологическое, так и фонетическое. Например, чрезвычайно часто в Словаре попадают написания *здѣланный* I 69, 100, 486; II 18, 19, *здѣлать* I 456, 465, 471; II 6, 10, 11, 15, 400, *здѣланное* I 480, 935, *здѣланы* I 482, *здѣлаю* I 922, *здѣланного* I 929, *здѣлаль* II 7, *здѣланная* IV 305 и т. д., во множестве случаев. Но не менее часто встречаем и написания с буквой *с*, например: *сдѣланному* I 929, *сдѣланную* I 942, *сдѣлать* I 943; III 365, 1140, *сдѣланный* III 365, 1145; IV 20 и т. д. Однако именно с таким написанием встречаемся и в заглавных положениях (см. II 903, 927 з. п.). Ср. далее: *гузка* II 425 з.; III 1143 и 1161 т., но *гуска* II 4 т., *связка* I 1127 з. п., также *развязка* I 1125 з., *повязка* I 1121 з., но *связка* I 453 т.; *бумажка* I 382 з., но *барашекъ въ бумаишкѣ* I 98; *замаска* IV 8 з., но тут же в тексте толкования — *замаски*, в примере — *замаска*, ср. рядом *обмаска* IV 10 з., *смаска* IV 14 з. Ср. еще *узкій* VI 424 з., но *ускогорлый* I 18 т.; *тетрадка* VI 113 з., но *тетратка* I 12 т. Впрочем, не во всех случаях для заглавного положения избирается этимологический вариант написания. Так, например, *сдаю* II 520 помещено со ссылкой на *здаю* II 491, где и дано толкование слова. С таким написанием выдержаны и все производные, в числе которых находим и *зданіе* (!) II 493, что, может быть, до некоторой степени объясняет предпочтение написаний с буквой *з* в словах, как *здаю*, *здача* и пр., ср., например, *здачѣ* III 983. Но впечатление полного беспорядка производит орфография в некоторых других случаях, например: *скольскій* V 484 з., *скольскіє* III 1175 т., *скольскія обстоятельства* V 484 п., но *это мѣсто весьма скользко*, *дорога скользка бывает* ib. пп., *скользко* ib. з., *вскользь* ib. з., ср. *слизкій* ib. т. Ср. далее: *грысть* II 389 з., *изгрысть* II 391 з., *надгрысть* II 391 з., *сгрысть* II 393 з., но *выгрызть* II 390 з., *догрызть* ib. з., *нагрызть* II 391 з., также *огрызть*, *обгрызть*, *отгрызть*, *перегрызть*, *прогрызть*, *разгрызть*, *угрызть* в продолжающейся части этого гнезда. Вероятно, написания с буквой *с* в

этой группе слов поддерживались морфологическим фактором, то есть приравнением к глаголам на *-сть, -сти*, как *весть* — *вести* и т. п.

5. Двойкие написания в словах, заключающих в себе результат развития древней группы *-ьр-* между согласными, из которых второй — губной или заднеязычный, представлены в Словаре в очень незначительном числе случаев. Все они касаются только трех слов (по крайней мере, их нет больше в изученных частях Словаря) с ближайшими производными, именно: *первый* — *первьый*, *церковь* — *церковьь* и *верхъ* — *верхъ*. Написание *сумерьки* I 137 я не принимаю во внимание вследствие возможности того, что здесь мягкость *р* объяснима воздействием позиционно мягкого *к*. Другие слова этого типа, вроде *верба*, *серпъ*, *стерва*, мне в написании с *рь* не встретились ни разу. Что же касается указанных трех слов, то в заглавных положениях все они помещены в написании без *ь*, именно: *верхъ* I 626, *первый* IV 762, *церковь* VI 625. Это касается и всех производных, кроме одного слова в гнезде — *верхъ*, где написание с *ь* явно случайного происхождения: *верховье* I 628, ср. рядом *оверьшьь* I 631, ср. написания *верховье* и *овершьь* тут же в примерах. Вообще же в тексте Словаря написания с *ь* в этих словах попадают время от времени, но явно в ничтожном числе случаев по сравнению с написаниями без *ь*. Например, на протяжении столбцов 20–120 I части встречаем *съ верьху* 20, *къ верьху* 81, *въ церькви* 28, *посреди церькви* 28, *въ первьый* 50, *сперьва* 84, всего 6 случаев при 31 случае обратного написания. На протяжении столбцов 450–485 той же части не встретилось ни одного случая с *ь* при 7 случаях без *ь*; на столбцах 917–953 — один случай *въ верхъ* 948 при 18 случаях без *ь* и т. д. В нескольких случаях противоречивые написания находятся в самом близком соседстве, например: *верхомъ* III 620 при *верьхи* ib. в цитате из Ломоносова в примере s. v. *клонюсь* или *первомъ* III 356 при *Андрея Перьвозванного* (интересен этот пример в такой орфографии!) III 352. Ср. еще *въ верхъ* и *съ верьху* III 947, *верхъ* III 980, но *верхняя* III 981. Но это нисколько не меняет общего впечатления, которое остается от наблюдений над орфографией указанных трех слов в тексте Словаря. Мне кажется, мы имеем право предположить, что руководящая линия составителей Словаря в данном отношении заключалась в стремлении избежать написаний с *ь*, которые, однако, спорадически ускользали от их внимания, появляясь на страницах Словаря вопреки их намерению. Причина этого, надо думать, состояла в том, что произношение *р* мягкого в таких случаях (вероятнее всего, хорошо известное их речевой практике) или же, что не исключено, лишь орфографическое выражение этой мягкости не совпадало с той нормой, к которой шел и которую подготавливал, может быть и не всегда при полной сознательности самих составителей, их Словарь.

6. Аналогичные заключения подсказываются и наблюдениями над вариантами написаний *чн* — *ин* в положениях известного рода. И здесь явно преобладающими следует признать написания с *чн*, хотя есть немало примеров, очень интересных для истории данного явления, и написания с *ин*. Например, на протяжении столбцов 65–150 I части встречаем: *азбучномъ* 65, *бабочный* 68, *плотничной* 68, 89, *добавочный* 70, *збавочный* 72, *прибавочный* 74, *убавочный* 75, *сочныхъ* 81, *баночный* 94, *карточный* 94, *оконничные* 99, *барочникъ* 103, *барочный* 103, *мѣлочной*

107, *поперечныхъ* 122, *поединочной* 136, *скучны* 149, всего 19 случаев, из которых 4 — с общей основой, при *набалдашникъ* 88 (здесь *ин* находится, разумеется, уже не на границе морфем), *висошной кости* 96 и затем *баишмаиникъ*, *баишмаиничий*, *баишмаинный*, *баишмаиничаю* I 112 зз. и пп., то есть в сущности в двух словах с производными от второго да еще в одном слове с омертвевшей словообразовательной формой. На протяжении столбцов 450–485 той же I части при 10 случаях написаний с *чн* встретилось всего одно написание с *ин*, именно *поперешинной* 454, в слове, которое здесь же встречается в обратном написании *поперечная* 485. На протяжении столбцов 920–950 той же части при 12 случаях написаний с *чн* не встретилось ни одного с *ин*. И т. д. Однако главный интерес данной группы примеров заключается в другом.

Распределение тех и других написаний в данной группе случаев отличается от рассмотренных до сих пор тем, что здесь сравнительно редко встречаем параллельные написания в одних и тех же словах, чаще же то и другое из этих написаний прикреплено к определенным словам, так что наблюдается своеобразная лексическая дифференциация. Вот все замеченные мною случаи с параллелизмом написаний в одних и тех же словах. Это случаи двоякого рода. Во-первых, отмечено два случая, в которых оба написания приведены рядом как равноправные варианты в заглавном положении, именно: *мучный или мушный* IV 326, но все производные имеют только *ин* — *мушню*, *мушниковъ*, *мушникъ*, *мушнистый*; *печникъ и пешникъ*, также *печниковъ* — *пешниковъ* adj. IV 750, но только *печный*, ср. в свободном положении *печной* IV 330. Во-вторых, есть несколько случаев, в которых в заглавном положении находим написание с *чн*, тогда так в свободном встречаются те же слова в написании с *ин*, именно: *височный* I 714 з., но *висошной кости* I 96 т.; упоминавшееся уже *поперечный*, как и *поперечникъ* IV 1079 зз., ср. *поперечныхъ* I 222, *поперечная* I 485, *поперечными* I 946 bis, *поперечными* III 1161; IV 765, 767 и др., но *поперешнымъ* I 19, *поперешинной* I 454; *перепоночный* IV 812 з., но *перепоношныхъ* III 1155; *пишеничный* IV 1229 з., ср. *пишеничной* I 485 т., *пишеничного* II 20, *пишеничная* IV 326 п., но *пишенишная* IV 326 т.; *карточный* III 453 з., ср. I 94 т., но *картошной* I 419 т.; *яблочный* VI 1021 з., но тут же в примерах: *яблошныя зерна*, *яблошная кожа*, при *яблочной* вкусъ, *яблочной* квась, *яблочная* постила, однако ср. *яблошная* постила V 727 п., *мороженое* *яблошное* IV 293 п., ср. и в заглавии *яблошникъ*, *-ница* VI 1021. Ср. еще *подсвѣщникъ* и *-чникъ* V 383 з., но *подсвѣщниками* III 358 т. Подмечен и один случай обратного характера, в котором при написании с *ин* в заглавном положении, именно *грешневый*, *грешневикъ* II 343 зз., повторяемся и в других местах Словаря, например *грешневого* II 20 т., *грешневая* IV 326 п., в свободном положении встретилось *гречневая* IV 14.

Все прочие слова этого разряда наблюдаются только в одном каком-нибудь написании. Именно, кроме перечисленных слов, взятых из текста ст. 65–150 I части, с *чн* пишутся: *привычный* I 462, 944, также *привычно*, *карточной* I 472; IV 33, *карточныхъ* III 980, *пушечными* I 480, 920, *пушечной* III 1144, *безпорядочно* I 481, *войлочный* I 486, *войлочникъ* ib., *солнечнымъ* I 922, *солнечномъ* I 303, *въчно* I 924, *вторичный* и *вторично* I 934, *вторичный* I 935, *обычный* I 941, *напороточныя* II

3; III 973, шуточные II 12, приличный *ib.*, безлично II 389, кабачный III 347, ручными III 351, каблучный III 351, кадычный и закадычный III 356, кадошный III 356, клубничник и клубничный III 637, восточный III 955, кричный III 957, опричник III 965, крошечный III 975, крышечный III 983, вскрывочный III 984, больничный III 1133, цвѣточный III 1137, остроконечный III 1138, лежаночная III 1163, наличный III 1163, ленточный III 1174, выморочный IV 309, паморочный IV 304, маковичный IV 18, сывороточный IV 46, защечными IV 48, муфточный IV 337, нарочно IV 49, масличный IV 50, масленичный IV 51, мрачный IV 299, наперсточный IV 775, персчаточный и персчаточник IV 775–6, сердечный (сердечная боль, сердечный друг) V 425, табакерочный VI 3, кумачный III 1063, калачный, калачник, калачня III 397, крючник III 1046, яловочный VI 5. В противовес этому с *ин* пишутся, кроме указанных выше: *галеиношый* II 17, *галстушый* II 19, *подгалстушникъ* *ib.*, *криношый* III 955, *лодошникъ* и *лодошый* III 1139, *молошый* и *молошникъ* IV 175–6, ср. *молошая* III 1139, *ларешый* III 1140, *платошый* и *платошникъ* IV 864, *табашникъ* (при варианте *табатчикъ*) и *табашый* VI 2, но *табачница* *ib.*, *яишница* при *яичникъ*, *яичный* VI 1043, *цѣвошникъ* и *цѣвошый* VI 632–3, *соляношый* и *селяношый* V 651. Прибавлю еще *перешый*, *перешница* IV 768, хотя в отдельно выделенном в заглавную строку термине — *перечная трава* *ib.*, и *подсолнешикомъ* IV 321, что не удалось сопоставить с заглавным положением, так как на своем месте слово это в Словаре не находится (по-видимому, оно ошибочно пропущено, что вообще в Словаре встречается не раз).

Свидетельствуемый, как мне кажется, приведенным материалом процесс частичной лексикализации орфографических вариантов с *чн* и *ин*, вероятно, имел параллель и в соответствующем фонетическом процессе с самого же начала, по меньшей мере в языке грамотных людей. Можно думать, что к концу XVIII века в языке круга, к которому принадлежали составители, этот процесс сопровождался еще параллельным процессом постепенной нормализации на основе сочетания *чн* сначала в орфографии, а затем, вероятно, и в самом произношении. Получается вывод, очень похожий на тот, к которому позволило прийти изучение фактов, относящихся к судьбе написаний *верхъ* — *верьхъ* и т. п.¹¹.

Перехожу теперь к изложению своих наблюдений относительно орфографических колебаний, имеющих морфологическое значение. При этом, как и прежде, орфографическими вариантами буду считать любые два написания, между которыми мы вправе предположить отсутствие разницы в произношении, то есть, по крайней мере самую возможность такого отсутствия. Так, например, историк языка обязан считаться с возможностью того, что варианты написаний *верхъ* — *верьхъ* или *яблочный* — *яблониный* — это варианты только орфографические, а не произносительные, каково бы здесь ни было фактическое произношение. Тем же критерием будем пользоваться и при наблюдении таких написаний, которыми характеризуются известные морфологические положения.

¹¹ Ср. С. П. Обнорский, Сочетание *чн* в русском языке, «Труды комиссии по русскому языку», т. 1, 1931, особенно стр. 107 и сл. данные из САР здесь приведены только по заглавным положениям.

7. Известна в истории русского письменного языка факультативная замена сочетания *иј* одним *ј* в положении перед гласным, что на письме принимает вид чередования букв *и, ъ* в положении перед следующей гласной буквой. Обычно такое чередование имеет место в определенных морфологических позициях. Здесь рассматриваются два случая такого рода, именно: 1) вариант окончаний *-ію* и *-ью* в творительном падеже ед. числа женского рода на мягкий согласный и 2) вариант конца основы в словах среднего рода на *-іе* и *-ье*. Разумеется, под различием написаний *смертію* — *смертью* или *вспоминаніе* — *вспоминанье* может предполагаться также различие произносительное, и тогда перед нами вопрос уже не орфографический. Нет нужды, однако, подробно доказывать, что с разницей таких написаний может и не быть связано какой-либо разницы произношения, и в этом случае будем иметь собственно орфографические варианты, но, в силу положения этих вариантов на границах морфем, содержание их будет также морфологическим¹².

В первом из названных положений наблюдаем решительное господство окончания *-ію*, например: *ласковостію* I 453, *вещію* I 489, *милостію* I 924, *довѣренностію* I 924, *честію* I 949, *неосторожностію* II 15, *совѣстію* II 390, *завистію* II 390, *влажностію* II 410, *цѣлію* III 621, *кровію* III 960, *частію* III 1156, *мастію* IV 6, *милостію* IV 24, *страстію* IV 302, *напухлостію* V 154 и мн. др. На протяжении текстов, откуда выписаны приведенные примеры, число которых могло бы быть увеличено во много раз, окончание *-ью* встретилось всего в следующих случаях: *шерстью* I 487; III 1152, *хитростью* I 947 (в цитате из стихотворения Ломоносова), *грязью* II 410; IV 39, *кистью* IV 4, *мазью* IV 4, 5, 7, *болью* V 154. В заглавных положениях Словарь не приводит достаточных указаний на формы словоизменения, а потому в данном случае мы лишены возможности извлечь что-либо из противопоставления написаний регламентированных нерегламентированным. Но и без того ясно, что для составителей нормой, и теоретически и практически, было написание *-ію*. Может быть, не случайно в числе слов, в формах склонения которых отмечено окончание *-ью*, нет ни одного книжного слова (*хитростью* I 947, взятое из стихотворного текста, конечно, не в счет), тогда как в разряде слов с окончанием *-ію* попадают слова разного стилистического колорита. Во всяком случае нельзя не подчеркнуть значение того факта, что при просмотре довольно большой части текста Словаря мне не попалось ни одного факта с колебанием окончаний *-ію* и *-ью* в одном и том же слове.

Приблизительно такое же отношение наблюдаем и в словах среднего рода на *-іе* и *-ье*. Здесь также совершенно несомненным следует признать господство форм с наличием беглого *и* в окончании основы, причем отсутствует это, и главным образом, в словах некнижных. Конечно, все, что говорится здесь по данному поводу, относится к безударному положению обсуждаемого явления. Например, при

¹² Понятие орфографического факта я пытаюсь определить в статье «Орфография как проблема истории языка» [см. Винокур Г. О. Избранные работы по русскому языку. М., 1959. С. 463–467. — *Ред.*].

почтение VI 734 з., почтєніи I 454¹³, медлѣнія I 455, увѣщаніємъ, предпріятіи I 456, убѣжденію, уваженіе, злорѣчіе, возжденіе, клеветаніе I 457, къ чтенію I 462, вареніе (каши) I 466, печеніе (хлѣба) іѣ., нещастіе I 467, отверстіе I 470, изыятіа I 477, благосостоянія, вредословія, злословіе, поношеніе I 917, зрѣніе I 920, теченіємъ I 922, безгодіе I 925, названіе I 933, употребленіе I 940, бреханіе II 1, гаданіе II 4, упражненіе II 5, желанію II 7, предлаганія II 9, строенія II 19, врачеванія II 389, грызеніе II 390, укушеніе II 394, въ просторѣчїи II 402 и мн. др. Окончание -ѣе находим в отглагольных образованиях, обозначающих разного рода неблагозвучные шумы, как гавканье II 1, лаянье іѣ., гарканье II 20, чавканье VI 655, хрюканье V 358, или вообще принадлежащих к простому языку, вроде важничанье I 455, и в других немногих не книжных словах, как например платье II 11, 12, ненастье I 920, повѣрье I 940, веретье I 929, камень I 482, ср. 471, 472, запястье IV 1261 з., ср. запястьемъ III 1135 т., ожерелье II 1111 з., I 103 т., очелье I 103 и т.п. Не останавливаюсь особо на словах с окончательным ударением вроде вранье I 930, жильѣ II 1149 и т.п. Редко встречаются оба варианта в одном и том же слове, например стеганіе и стеганье V 713 з., но пример при втором значении, относящемся к стеганому изделию, дан в написании с -ѣе; то же в II з., т. Это же находим в случае вареніе и варенье I 495 з., где пример к третьему значению (закуски, заѣдки и пр.) дан в написании с -ѣе: варенье из малины, вишенъ. Интересно, что при слове печеніе IV 748 нет варианта с -ѣе, но здесь не показаны иные значения слова, кроме действия по глаголу. В нескольких случаях оба варианта снабжены указаниями на стилистическую дифференциацию, например безвременіе, въ просторѣчїи же безвременье I 925 з. п., где вариант окончания сочетается с варьированием основы; особенно выразительно же в случаях типа здравіе, просто же здоровье II 42 з., ср. здравіа I 916, 918 пп., но здоровья I 916 (в цитате из Ломоносова). В некоторых случаях такой параллелизм окончаний находим и при ударении на окончании, например: питіе и питье IV 1244 з., ср. до-валиться до питья I 470 п., но говоря о пицѣ и питіи I 472 т., вода есть безвредное питіе для здравіа I 918 п.; далее копіе, сл., просто же копье III 801 з. Ср. и такие случаи, как свиня, просто же свинья V 358 з. Но замечательно, что беспорядочного смешения написаний -іе и -ѣе внутри одного и того же слова почти не встречаем. Вот один такой замеченный случай: бѣганіе I 413 з. и бѣганьемъ II 402 т., но здесь имеем дело с разницей нормативного и свободного положений. Такие случаи, вероятно, найдутся в незначительном количестве и в других местах Словаря, но общая картина ясна и без того. В целом мы имеем право заключить, что в области написаний с беглым и и без него правописание Словаря строго нормализовано, причем в творительном падеже ед. числа слов женского рода на мягкий согласный норма -ію с течением времени превратилась в архаизм, а в словах среднего рода соотношение написаний с -іе и -ѣе в существенном сохранилось до наших дней.

8. Еще строже правописание Словаря в некоторых формах именного склонения, в которых, вообще говоря, тексты XVIII века знают немало колебаний. Так,

¹³ Это и все следующие слова в заглавных положениях имеют в им. ед. -іе. Сознательно цитирую здесь материал не из заголовков.

например, в окончании именительного-винительного мн. числа среднего рода в безударном положении в Словаре безраздельно господствует окончание *-а* в противовес столь частому в XVIII веке *-ы*, державшемуся в практике, особенно рукописной, вплоть до второй половины XIX века. В Словаре постоянно видим только *творила* I 68, *ядра* I 89, *перила* I 93, *лѣкарства* I 120, *бревна* I 140, 481; III 1171, *правила* I 940, *прясла* III 957, *лица* III 963, *яща* III 635; IV 291, *полотна* I 30, *пятна* III 1133; IV 39, *доказательства* III 1147, и лишь однажды я встретил *вороты* III 1044 п. при *ворота* I 884 з.

9. Несколько менее строг Словарь в отношении безударного окончания дательного и предложного падежей ед. числа слов женского рода на мягкий согласный. Рядом с обычным и господствующим окончанием *-и* иногда в Словаре встречаем здесь характерное вообще для XVIII века и частично еще для начала XIX века окончание *-ѣ*. Это окончание употребляется в Словаре очень часто в адвербиализованном сочетании *къ статѣ*, см., например, I 115 bis, 923 bis, 925, ср., однако, и *не къ стати* I 454, 455, а также и в некоторых других случаях, а именно: *въ Севастопольской гаванѣ* I 101, *въ нѣкоторой артелѣ* I 48, *все принадлежащее къ артелѣ* I 49, *принадлежащій ладонѣ* III 1127 (вряд ли все же можно предполагать здесь мужской род), *въ церквѣ* I 37 (здесь надо считаться с просторечным *церква* III 358), *въ Астраханѣ* I 41, 43, 47, ср., однако, еще у Пушкина: «Торговый Астрахань открылся» (Путешествие Онегина, черновая редакция). Особенно часто встречаем *въ Сибирѣ* I 29, 43, 50; III 350, 1175; IV 48, ср. *свойственная полуденной Сибирѣ* I 129, при, по-видимому, более редком *въ Сибири* I 68, 80 bis; IV 321. Окончание *-и* остается, впрочем, безусловно господствующим.

10. Чрезвычайно большой интерес представляет изучение материала, относящегося к правописанию окончания имени прилагательного в именительном падеже ед. числа мужского рода. В тексте Словаря находим множество примеров употребления обоих возможных здесь окончаний, именно *-ый* (после *г, к, х -ий*) и *-ой* как в безударном, так и в подударном положении, а также и соответствующих окончаний мягкого различия *-ий* и *-ей*. Распределение этих окончаний в тексте Словаря свидетельствует о том, что стилистическая теория, отражавшаяся еще в некоторых руководствах XIX века, будто *-ый* есть окончание, свойственное высокому слогу, а *-ой* — простому, очень плохо оправдывается фактическим языковым употреблением¹⁴. Отвлеченно, вероятно, и составители Словаря отпращивались от такого формулирования этой теории. Это видно из таких их указаний, как например: *вершѣный или вершоной* I 630 или, еще более ясно, *кравѣй, сл., просто же коровеѣ* III 891. Но, во-первых, указания эти нечасты, а, во-вторых, самому смыслу этих указаний противоречит фактический материал текстов Словаря, ср. хотя бы *коровей войлокѣ*

¹⁴ Вспомним полемические замечания Греча по поводу утверждений академической грамматики 1819 г., будто «нехорошо было бы сказать» *маленькій домиѣкѣ* вм. *маленькой, ветхій сарай* вм. *ветхой*. «Почему жъ нехорошо, если смѣемъ просить? — спрашивал Греч. — <...> По нашему мнѣнію, всѣ имена прилагательныя должно писать въ окончаніи *-ый* или *-ий*, кромѣ тѣхъ, кои имѣють удареніе на послѣднемъ слогѣ...». Ср. Сухомлинов, 200–201. Такова же фактическая идеальная норма Словаря.

III 891 п. s. v. *кравій* — *коровей*, но *войлокъ коровій* I 486 s. v. *войлокъ*. Этот пример свидетельствует о том, что окончание *-ый*, по-видимому, могло соединяться и с церковнославянским и с русским видом слова как окончание общее и стилистически нейтральное. О том же говорят многие другие указания Словаря, в которых, несмотря на подчеркиваемую разницу стилей между двумя вариантами одного слова, окончание в обоих вариантах остается одинаковым, например: *насаждѣнный*, *просто же насáженный* V 314, *острый*, *просто же вострый* IV 656, *овчій*, *сл.*, *просто же овечій* IV 611, *единачій*, *просто же одинакій* II 941, *ср.* *одинакой* I 83, *драгій*, *дорогій*, *гой* II 737–8. Сюда же присоединим и такие орфограммы в заглавных положениях, как *смышлѣоный* IV 372 з. при *смышлѣоной* II 7 п. и т. д.

Совершенно очевидно, что если составители Словаря и различали в теории стилистический вес данных окончаний так, как это было принято обычно, то очень худо применяли это различие к делу. Более близкое ознакомление с текстом Словаря позволяет установить следующее. Окончание *-ой* (соответственно *-ей*) встречается в Словаре постоянно и в принципе может быть употреблено почти от каждого слова. Сравнительно редко оно употребляется только в формах причастия, где явно преобладает окончание *-ый* (соответственно *-ий*); но все же можно привести немало примеров также и причастных форм с окончанием *-ой*, *-ей*, как страдательных прошедшего времени, которые, как правило, помещаются в Словаре как отдельные слова, вероятно, в силу особой легкости их адъективного употребления, так и страдательных настоящего времени, а также действительного залога, которые в Словаре отдельными словами, за редкими исключениями, не считаются. Ср., например, *вяжущій* I 1111 з., но *вяжущей* I 80 т.; *выжатый*, *выжатой* II 1173 з., но *выжатой* I 23 п.; *неудобовосходимый* III 225 з., но *неудобъ восходимой* I 128 т.; *валявшейся* I 476 т.; *дѣланной* I 62, 80 тт. при постоянном *здѣланный*, например I 29, 30, 35, 69, 82, 84 и мн. др., но есть иногда и *здѣланной*, как например I 68, 105; *задержанный* I 45 т., II 617 з., но и *задержанной* II 617 п.; *заваленный* I 471 з., но *заваленной* ib. п.; *даемой* III 347 т., *набранной* I 68 т., *обсыпанной* I 485 т., *перегоненной* I 21 т., *прикрѣпленной* I 75, 466, *составленной* I 146; II 3, но *составленный* I 23, 30, 35, 66. При постоянном *употребляемый*, например I 21, 23, 42, 71, 81, 85 и т. д., нередко встречаем и *употребляемой*, например I 75, 76, 87, 90, 94, 466; ср. еще *укрѣпляемой* I 454, 464 и др. Окончание *-ой* встречаем иногда и в таких книжных словах, как *благовонной* I 47 т., *драгоцѣнной* VI 645 п., *необыкновенной* I 939 п., *ощутительной* I 916 п., *претительной* I 20 т., *предложной (надеж)* I 475 т., *шаобразной* I 94 т. и др. Однако не только в таких книжных словах и причастных формах, но и почти во всех других случаях, в которых является окончание *-ой*, *-ей*, мы встречаем наряду с ним и окончание *-ый*, *-ий*. Из множества собранных мною примеров только в единичных случаях я не нашел параллели с *-ый*, это *покаяпой* III 653 з.¹⁵, I 133 т., *приборчивой* I 155 з., *барабаничицей* I 97 з., *завальной* I 487 з. п., причем, разумеется, нельзя поручиться, что в не исследованной мною части текста

¹⁵ «Говорится только о носѣ: загнутой при концѣ и горбатой посрединѣ», s. v. «Кляпъ». {Примеч. ред.}

не нашлось бы искомого варианта, равно как что таких примеров не нашлось бы там еще некоторое число. Написания вроде *покляпой* или *барабанищей* производят впечатление пережитков более ранней эпохи в языке Словаря, если только смотреть на эти написания как на такие, при которых вариант с *-ый (-ий)* действительно невозможен.

Есть, однако, одно положение, в котором окончание *-ой, -ей*, по-видимому, и для Словаря представляет собой норму. Это субстантивированное употребление прилагательного или причастия, независимо от того, известно ли прилагательное только в таком употреблении или же оно субстантивировано только для передачи какого-нибудь одного из своих значений. Об этом свидетельствуют случаи вроде *багрильщикъ, -ка* и *багрячей, -чаго* I 76 з.; *бережáтой* I 123 с отметкой *вышедшее из употребления*; *верховый, -вáя, -вóе прил.*, но рядом *верховóй, -вáго, с. м.* I 628 зз.; *выборный, -ная, -ное прил.*, но *выборной, -наго с. м.* I 137 и 136 зз.; *малый (прил.)*, но *малой (с.)* IV 22 зз.¹⁶ *приказный прил.*, но *приказной (с.)* III 378 зз.; *ларешный прил.*, но *ларешной с. м.* III 1140; *кравчей* III 891, *стряпчей* V 918 и т. д. Ср. и в причастиях — *наказуемой* I 461 т. и т. п. Тексты не содержат противоречий этим указаниям заглавий, но иногда попадаются маловыразительные исключения из этого правила, например: *поддьячей* (так!) и *подьячей* II 851 з., но в примере только первое¹⁷; *пѣвчій* IV 1029 в значении как прилагательного, так и существительного, но все же *пѣвчей* I 27 в значении существительного. В III 100 читаем: *Значковый товарищъ. Военный чиновникъ въ Малороссіи, который и просто называется значковый.* Вот и все замеченные мною исключения из правила, согласно с которым субстантивированные прилагательные в данной форме всегда пишутся с *-ой*.

За исключением этого особого случая, да еще отмеченной выше тенденции преимущественного употребления окончания *-ый* в причастных формах, текст Словаря, особенно при сопоставлении заглавного положения со свободным, дает яркую картину вытеснения окончания *-ой, -ей* окончанием *-ый, -ий*, входящим в общую норму и этим в корне подрывающим существовавшее на этот счет стилистическое осмысление. Заглавные написания прилагательных в Словаре, за редчайшими исключениями, можно отнести к одному из следующих трех разрядов: 1) в заглавии помещены оба варианта окончания, причем только в меньшинстве случаев при варианте с *-ой* содержится указание на принадлежность такой формы к простой речи, а при варианте с *-ый* указание на принадлежность к славенскому языку обычно встречается только при наличии каких-нибудь дополнительных церковнославянских признаков в данном слове, например неполногласного сочетания и т. п.; 2) гораздо чаще в заглавии находим только окончание *-ый*, но при этом в следующих тут же примерах то же слово встречается и в написании с *-ой*; 3) как в заглавии,

¹⁶ Символичной в этом отношении может служить выходная страница комедии Загоскина «Добрый малой», СПб, 1820.

¹⁷ В словарной статье окончание второго варианта слова написано неразборчиво, но при значительном увеличении видно, что это *подьячей*. В примерах дважды употреблена именно эта форма. {Примеч. ред.}

так и в находящихся в заглавной статье примерах находим только вариант с *-ый*, хотя вообще такое слово в тексте Словаря и может быть найдено в обратном написании. Сказанное касается как безударного, так и подударного положения окончаний, и это тот пункт, в котором последующая история русского письменного языка внесла поправку в норму, отразившуюся в Словаре. Ниже привожу фактические данные, из которых выведено изложенное заключение.

Первую из трех намеченных категорий наблюдаем в случаях, как *алый* или *-лой*, причем в примерах: *алой кафтанъ* I 26, ср. *алой цвѣтъ* I 101 т., *аленькой* или *-кій* I 26, в примере: *аленькой цвѣтокъ*; *бабій* и *бабей* I 66; *бѣлужій*, *-лужей*, п.: *бѣлужей* *пузырь* I 438, ср. *балыкъ бѣлужей* I 91 п.; *бараней* и *бараній* п.: *бараній рогъ* I 98; *барсучей*, *-чий*, п.: *барсучій тукъ* I 105, *бархатной* и *бархатный* п., *бархатный кафтанъ* I 105; *барышничей* и *барышничій* I 107; *выжатый*, *-той*, п.: *выжатой сокъ* II 1173; *всякій*, *-кой*, п.: *всякой день*, *разъ* I 666; *валкій*, *-кой* I 466; *второй* и *второй* I 934; *гладкій* и *гладкой* II 57; *другій* и *другой* II 764; *дикій* и *дикий* II 667; *женскій* и *женской* II 1105; *журавлиной* и *журавлиный* II 1197; *заказанный*, *-ой* III 365; *каждый* и *каждой* III 358; *кабаней* и *кабаній* III 349; *кротовый*, *-ой* III 973; *наваль-ной*, *навальный* I 473; *маркій*, *-кой* IV 40; *рабочій*, *-чей* V 6 и мн. др.

Для второго случая примеров особенно много. Вот часть из них: *алтынный* I 24, *аптекарскій* I 42, *арбузный* I 44 (примеры: *алтынной калачъ*, *аптекарской сосудъ*, *арбузной сокъ*, далее примеров и ссылок не привожу), *бабочный*, *багровый*, *бакаутный*, *басистый*, *баталіонный*, *батистовый*, *баишаиный*, *важный*, *валяный*, *винный*, *военный*, *вредоносный*, *врытый*, *вскрывочный*, *высокій*, *гадкій*, *глиняный*, *головный*, *голый*, *гончій*, *горный*, *горячій*, *громкій*, *грушевый*, *грязный*, *гуртовый*, *густый*, *дворянскій*, *деревянный*, *длинный*, *добрый*, *долгий*, *драгоцѣнный*, *дутчатый*, *забавный*, *заваленный*, *зборный*, *избалованный*, *избирательный*, *изкусный*, *кичливый*, *клубничный*, *кожаный*, ср. *коженой* I 67, 112 т. п., *который*, *красивый*, *красный*, *крапанный*, *крашеный*, *краткій* и *короткій*, *крикливый*, *криноиный*, *критическій*, *кричный*, *кроватьный*, *кровопролитный*, *кровопускательный*, *кровный*, *крошечный*, *круглый*, *крѣпкій*, *крѣпостный*, *курчавый*, *легкій*, *ложный*, *лѣнивый*, *маіорскій*¹⁸, *маленькій*, *маловажный*, *маловременный*, *малый*, *маркій*, *мертвый*, *набережный*, *накрошенный*, *нарядный*, *немаловажный*, *необыкновенный*, *несклонный*, *одинакій*, *острый*, *отмороженный*, *плотный*, *подушный*, *преждевременный*, *прелестный*, *примѣтный*, *разумный*, *ржанный*, *рекрутскій*, *роскошный*, *рыбный*, *рыхлый*, *сверхоыкновенный*, *сильный*, *смазливый*, *такій* и *таковый* (замечательно, что даже при этих словах нет в заголовке вариантов, хотя в примере есть: *он под-нялъ такой шумъ* и т. д., и при слове *такій же*, выделенном в особый заголовок, находим *такой же*, см. VI 17, *табаиный*, *тяжелый*, *толстый*, *удобный*, *цѣлый*, *черный* и т. д. Не оговариваю специально, что большинство из этих слов вне текста статей, которые им именно посвящены, многократно встречаются и в написаниях с *-ой*; ср. хотя бы *высокой* I 128, 950, *головной* I 142, *дутчатой* I 20, *легкой* I 944, *рекрутской* I 145 и много других примеров, исчислять которые нет смысла. Укажу

¹⁸ В примерах словарной статьи *маіорскій*, как и s. v. *маіоръ*. {Примеч. ред.}

еще, что обратные случаи, то есть такие, при которых в заглавии было бы окончание *-ой*, а в примере окончание *-ый*, вроде *алмазной*, но *алмазный перстень*, *складень* I 22, исключительно редки.

Приведу теперь часть собранных случаев третьего рода, то есть таких, в которых даже в примерах при заглавном слове нет случаев с *-ой*, хотя это окончание в данных словах вообще в Словаре и встречается в свободном положении. Сюда относятся, например, *ароматический*, *веселый*, *вяжущий* (но ср. *вяжущей* I 80 т.), *великий*, *вѣтвистый*, *горький* (ср., однако, выделенное *горькой пьяница* II 242), *горьковатый*, *денежный*, *желтоватый*, *зеленоватый*, *изрядный*, *колючий*, *каштановый*, *металлический*, *мужеский* (но ср. *мужской* I 112), *мишстый*, *надѣтый*, *народный*, *несносный*, *нижний*, *оный*, *осетрий*, *отводный*, *приятный*, *рыболовный*, *рытый*, *самый*, *узенький* и мн. др. Разумеется, и многие из этих слов нетрудно обнаружить за пределами заглавной статьи в написании с *-ой*, *-ей*, например: *ароматической* I 120, *колючей* I 119, 918, *нижней* I 464, *насажденной* I 76, *оной* I 80, 98, *осетрей* I 91 и т. д. Отмечу еще, что в нескольких случаях в варианте с *-ой* встречаются выделенные терминологические сочетания, например: *мушкатной орѣхъ*, *мушкатной цвѣтъ* IV 345–6 при отсутствии этого прилагательного вне этих сочетаний или *мужеской корень* IV 321, несмотря на *мужеский* IV 323, и др. Обратные случаи, то есть такие, в которых заглавное слово напечатано только с окончанием *-ой*, а в варианте с *-ий* известны только вне основной статьи, вроде *морской* IV 252, но *морский* I 945 т., опять-таки исключительно редки.

Дополнительно обращаю внимание на несколько случаев, особенно интересных со стороны тех противоречий, которые в них вскрывались бы с точки зрения прямолинейного и ригористического прикрепления каждого из двух обсуждаемых вариантов к высокому и простому слогу. Например, под словом *желѣзный* II 1101 в числе примеров находим без всякой тени мотивировки *желѣзный рядъ*, *заводъ*, но *желѣзной рудникъ*. Под словом *изкусный* III 1108 — *изкусный художникъ*, но *изкусной ораторъ*, под словом *наборный* I 146 — *наборный хомутъ* и т. п. Интересны примеры под словом *крикъ* III 951. Здесь находим: *великой*, *ужасной*, *пронзительной крикъ*, *радостной*, *печальной крикъ*, но *крикъ ослиный*. Не лишено значения, что во втором издании Словаря (ч. III, 1814, стр. 413) во всех этих примерах проведено единообразное окончание *-ый* в прилагательных. Почти рядом читаем в числе примеров III 958–959: *кроватьный тюфякъ*, но *кровопролитной бой*; постоянно попадаются сочетания вроде *симфонія на ветхой*, *новой завѣтъ* V 449 п., *имѣющее благовонной и проникающей запахъ*, и *вкусъ пряный*, *горячий* I 47.

Разумеется, есть в Словаре и обратные примеры, но не они указывают тот путь, по которому шел Словарь как памятник русской национально-языковой нормы в ее историческом развитии и становлении. Объективный смысл этого развития, как с непреложностью вытекает из всего сказанного выше, заключается в том, что в известную пору истории русской книжной речи нового типа в ее системе любое прилагательное приобретало возможность в своем письменном облике оканчиваться на *-ый* при обособлении окончания *-ой* как специфического признака

субстантивированного прилагательного, обособлении, потерявшем свою силу несколько позднее. Несомненно, это соотношение для истории русской письменной речи надо признать относительно молодым. Для начала XVIII века можно было бы указать известное число прилагательных, никогда не имевших на письме окончания *-ый*, но тогда, наоборот, при известных условиях почти всякое прилагательное могло иметь окончание *-ой*. Оставляю открытым вопрос о том, лежат ли в основании этого процесса какие-нибудь явления живой речи. Скажу лишь, что, на мой взгляд, этого не было. Вытеснение окончания *-ой* окончанием *-ый*, как я уверен, совершалось чисто книжным путем, независимо от произношения, существовавшего в данном окончании (в безударном, понятно, положении) в литературном диалекте с его возможными вариациями. Ведь, например, в московском произношении еще в начале XX века произношение безударного окончания прилагательного в именительном-винительном падеже ед. числа мужского рода как *-эј*, было совершенно живым и единственно возможным явлением, которое, можно сказать, только на наших глазах перешло на роль вытесняемого произношением книжным, с гласным типа *ы*¹⁹.

11. В окончании родительного падежа ед. числа прилагательных мужского и среднего рода в тексте Словаря почти безраздельно господствует написание *-аго*. Окончание *-аго*, как и следует ожидать, не употребляется вовсе, но изредка встречаем здесь написание *-ова* (в местоименных формах с конечным ударением *-ово*). Обычно это второе окончание встречаем в составе выражений, идущих из народной или бытовой, фамильярной речи, которые, однако, вовсе не непременно требуют именно такого окончания. Ср., например, *баць ево въ рожу* I 112, *береженова и Богъ бережетъ* I 124, *отъ домашнева вора не убережешься* I 126, *отъ лихова челоуѣка убережься трудно* I 126, *изъ старова портища выбрать камзолъ* I 135, *грѣхъ да бѣда на ково не живетъ* II 395 и др. Ср. сверх того единично попадающиеся *доброва* I 145, *худова* ib., *другова* I 453; II 7, *какова* VI 17, *такова* ib., *цвѣта блѣдно-жаркова* I 38, *изъ коровьева молока* IV 50 и др. Ср., с другой стороны, *багрячаго* s. v. *багрячей* 175, *говяжьего* I 458, *собачьего* II 1, *грешневаго* II 20 и т. д. Окончание *-аго* употребляется и в подударном положении, например *другаго* I 114, 122, 146, *худаго* I 139, *гнилаго* I 149, причем интересно, что иногда оно переносится и в местоименное склонение, например *какого* I 48; II 7; III 352; III 1156, *такого* IV 14 при *какого* I 135, *такого* III 1166. В безударном положении в местоимениях обычно также *-аго*, например *онаго* I 84, 466, но при ударении на конечном гласном окончания в род. ед. от *один* находим *одного* I 122. В целом правописание Словаря в данном отношении не отличается от норм XIX века, во всяком случае его первой половины.

12. В заключение считаю не лишним заметить, что в формах именительного-винительного падежа мн. числа прилагательных Словарь неукоснительно следует

¹⁹ Имея в виду приведенные данные петербургского Словаря второй половины XVIII века, я никак не могу видеть, как этого хочет С.П. Обнорский, в этом победном шествии окончания *-ый* влияние южнорусской диалектной струи на литературный русский язык в его московской разновидности. Конечно, это окончание книжное, а явление — чисто орфографическое. См. статью С.П. Обнорского «Пушкин и нормы русского литературного языка» в «Трудах юбилейной научной сессии» ЛГУ, секция филологических наук, 1946, стр. 89 и след.

правилу Ломоносова, согласно которому в мужском роде в окончании пишется *-ые, -іе*, а в женском и среднем *-ыя, -ія*. На сотни примеров такого правописания я нашёл всего пять-шесть исключений, вроде *связаныя чулки I 488, болячки и прочіе признаки въ проказѣ бываемыя III 360, соблазнительныя поступки II 396* и др.

Какое же общее заключение можно сделать из предложенного материала? Оно, на мой взгляд, сводится к следующему.

Словарь Академии Российской представляет собой действительно замечательный памятник истории русской письменной речи, и именно в том отношении, что, очень широко отражая противоречия, существовавшие в языковом употреблении своего времени, он в то же время ярко обнаруживает движение к единой общенациональной языковой норме, поиски которой составляют основное содержание истории русского письменного языка, начиная примерно с 30-х годов XVIII века. Самое интересное при этом заключается для нас в том, что составители Словаря не обладали какой-нибудь законченной орфографически-грамматической²⁰ теорией, во всяком случае не следовали догматически тем учениям и предписаниям, которые они могли бы отыскать в своем культурном обиходе, и вместе с тем в большинстве случаев шли как раз теми путями, на которые выводился русский письменный язык объективным ходом его исторического развития. В этом отношении нельзя не видеть в словаре не оцененного еще в должном смысле предшественника тех деятелей русской литературы и русского просвещения, которые успешно закрепляли начала общенациональной нормы русской письменной речи в течение конца XVIII века и начала XIX века и в числе которых в первую очередь нужно назвать великое имя Карамзина. Именно в школе Карамзина разного рода орфографические разноречия фонетического и морфологического содержания стали особенно наглядно терять былые искусственные стилистические осмысления и сливаться в единые правила общеупотребительной русской речи. Словарь Академии Российской во многих отношениях своей орфографией как бы предвозвещает то направление, по которому пошло в ближайшие к эпохе его составления десятилетия развитие и закрепление этих правил.

Научная литература, упомянутая автором

Обнорский С. П. Пушкин и нормы русского литературного языка // Обнорский С. П. Избранные работы по русскому языку. Москва: Учпедгиз, 1960. С. 176–191.

Обнорский С. П. Сочетание *чи* в русском языке // Обнорский С. П. Избранные работы по русскому языку. Москва: Учпедгиз, 1960. С. 234–250.

Сухомлинов М. И. История Российской академии. Вып. 8 и последний. Санкт-Петербург: тип. Императорской акад. наук, 1887. IV, 493 с.

Публикация статьи подготовлена Е. В. Арутюновой.

²⁰ Так в источнике.